
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Б. М. КОНДОРСКИЙ

УКРАИНСКАЯ ЭЛИТА (ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

Для того чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, иногда полезно заглянуть в прошлое. В статье сделана попытка проследить особенности украинской элиты на каждом этапе в соответствии с революционной концепцией исторического развития. Определенные трудности связаны с тем, что элементы государственности Украина имела только в период гетманщины и во время Гражданской войны. Древняя Русь имела опосредованное отношение к украинскому народу. Излишняя политизация этого вопроса заставила нас проанализировать основные процессы развития Руси с позиции теории элит. Ключевым моментом, определившим специфику архетипа (системной совокупности основных характеристик) украинской элиты, стал низкий уровень феодальной революции в XV–XVII вв., предопределивший более чем заметные архаические элементы в общественном сознании. Сформировавшийся архетип затем регулярно воспроизводился вплоть до нашего времени. Несмотря на блестящие победы, Богдан Хмельницкий так и не смог создать устойчивую систему государственного управления. После его смерти наступил период гражданской войны (Руина), характеризующий борьбой различных группировок казацкой старшины за власть. Похожая картина наблюдалась в период Гражданской войны на Украине (1917–1920 гг.). После обретения страной независимости не совсем положительные характеристики элиты вновь проявили себя. Уже четверть века Украина находится в состоянии перманентного кризиса.

---

* **Для цитирования:** Кондорский, Б. М. 2025. Украинская элита (историко-теоретический аспект). *История и современность* 4: 79–124. DOI: 10.30884/iis/2025.04.05.

For citation: Kondorsky, B. M. 2025. Ukrainian Elite (Historical and Theoretical Aspect). *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 79–124 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2025.04.05.

История и современность, № 4, декабрь 2025 79–124

DOI: 10.30884/iis/2025.04.05

Ключевые слова: история украинской элиты, Древняя Русь, феодальная революция, освободительная борьба на Украине, казацкая старшина, Гражданская война на Украине, современная Украина.

Введение

История, несмотря на, казалось бы, уникальность каждой эпохи, имеет свойство как бы повторяться в определенных условиях, которые формируют очень жесткие ограничения в отношении попыток выхода за их рамки. Историки должны непременно учитывать это. Попытки выдать желаемое за действительное уводят исследователя в иллюзорное пространство со всеми вытекающими последствиями. Тогда мы уже имеем не науку, а элементарную «маниловщину».

Исторический процесс состоит из различного рода временных систем. И для того, чтобы понять, что мы имеем сегодня и что нас ждет завтра, иногда полезно заглянуть в прошлое. Например, для того, чтобы разобраться с внутренней логикой современной концепции экономического пояса Шелкового пути, необходимо углубиться в историю Китая вплоть до середины 1-го тыс. до н. э. (Кондорский 2019а). Китай сейчас переживает ренессанс конфуцианства, который оказывает все большее влияние на процесс строительства социализма с китайской спецификой.

Несмотря на то что элементы государственности Украина имела только в период гетманщины и во время Гражданской войны, мы считаем, что между элитами на отдельных этапах исторического развития имеет место определенная преемственность. Основная идея заключается в том, что еще 600 лет тому назад на территории нынешней Украины были заложены основы архетипа (Его же 2019б: 126, 2021а: 57), который затем воспроизводился на последующих этапах (в основном в сельской местности) вплоть до современной Украины.

Мы собираемся провести анализ на основе широкого использования сравнительного метода. Основной задачей сравнительно-исторических исследований является поиск и выделение того, что объединяет внешне различные социальные структуры и явления в пространстве и во времени (Он же 2013: 16). Также речь идет об использовании определенных теоретических конструкций, в первую очередь о разрабатываемой автором революционной концепции исторического развития (Он же 2020).

И еще один важный момент. Элита – это не просто совокупность индивидуумов, оказывающих заметное влияние на процессы в обществе. Элита – это системный феномен, имеющий свои законы функционирования, свой потенциал исторического развития. Деятельность отдельных членов элиты является лишь внешним проявлением ее внутренних объективных законов и процессов.

Особое внимание будет уделено Древней Руси. Не только в украинской исторической среде, но и на уровне государственных чиновников и деятелей культуры в настоящее время этот вопрос сильно политизирован. В школьных и университетских учебниках в сознание учащейся молодежи внедряется ложная мысль не только о различии украинцев, русских и белорусов уже в киевское время, но и об их этническом антагонизме (Толочко 2010: 28).

Реально украинский народ сформировался только в XV–XVI вв. Однако современные украинские историки постулируют непрерывный этногенетический процесс развития от антов до современных украинцев в течение 1500 лет (Фігурний 2010: 36). Некоторые историки идут еще дальше, утверждая, что украинская нация – это результат тысячелетнего этногенеза еще со времен трипольской культуры (Солдатенко, Сиволоб 1994: 16–17). Практически весь научный (и не только) бомонд сейчас твердо стоит на позициях украиноцентризма. Утверждается, что формирование русского народа происходило на основе финно-угорских племен, зато украинцы – древнейший славянский народ, истинные славяне (Обушний 2010: 146, 418).

Революционная концепция исторического развития

В данной статье для лучшего понимания специфики элиты в истории украинского народа будут использованы основные положения революционной концепции исторического развития (Кондорский 2013: 16–17, 2020).

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Революции как особое переходное состояние общества сопровождаются качественными изменениями во всех сферах (см., например, о производственных/технологических революциях в историческом процессе и их влиянии на изменение всех остальных сфер общества: Гринин 2006; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin *et al.* 2024). Революции, естественно, также происходят в голове. Один тип социального со-

знания сменяется другим. На смену старому архетипу социальной организации приходит новый.

Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, которые могут получить развитие, а могут и нет – в зависимости от конкретных исторических условий. Внешние проявления этих потенциалов в разных регионах могут существенно различаться.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные формационные эпохи революций и соответствующие им этапы – неолитические, архаические, феодальные, революции Нового времени. Именно революции формируют потенциал последующего развития.

Для каждого этапа исторического развития характерен определенный тип социального пространства. Именно элита отвечает за формирование и поддержание структуры этого пространства.

Неолитический этап исторического процесса включал ранний и поздний неолит, энеолит и бронзовый век. Наиболее характерными цивилизациями этого периода были древнеегипетская, месопотамская и индская. Здесь роль элиты в социальном сознании того времени выполняли божества. Правители также выступали в качестве трансляторов божественной воли (Кондорский 2013: 19). Только ее наличие позволяло принимать решения, осуществлять управление.

Результатом архаических революций стало появление социумов полисного типа не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии и Китае (Там же: 17). Здесь революционные изменения в социальном сознании в первую очередь были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Народ уже заключает с богами договор, на основании которого получает управляющую «силу» в собственное пользование (Кондорский 2017б: 145). Римская община каждый год делегировала управляющий империей консулам и претору.

И еще один очень важный момент. Основной целью всех революций было устранение носителей старого сознания. Соответственно, чем больше был уровень преемственности с предыдущим периодом, тем более низким был потенциал последующего развития.

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь Римской империи и Хань в Китае) начинается третий виток исторического развития. Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе, нужно иметь в виду, что собственно германские племена и их объединения исторически к этому отношения не

имели. То же самое относится к реликтам романского населения на территории нынешней Франции.

К моменту феодальной революции (а это район IX–X вв.) уже не было ни того ни другого. Регулярные внутренние конфликты в период Меровингов и ранних Каролингов, отягощенные набегами норманнов и арабов, привели к появлению общин, лишенных и варварского, и латинского сознания. Однако эти общины уже не могли самостоятельно обеспечивать ни внутреннюю (судебную), ни внешнюю защиту. Появляется потребность в тех, кого мы называем феодалами (Кондорский 2024: 81). Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность (Васильев 1982).

Чтобы понять суть корпорации феодалов, которая в рамках Западной Европы составляла единое целое (вассально-ленные отношения не знали национальных границ), следует обратиться к институту мужского союза, который появился еще в первобытный период. Политическое невозможно внутри общины. Оно может существовать только вне ее, носить надобщинный характер. Мужские союзы, куда обычно входила молодежь, территориально всегда находились вне общины и были освобождены от хозяйственных работ. Члены мужского союза обычно занимались набегами на соседние общины (Андреев 2004: 56). Мы считаем, что именно мужской союз и стал первичным источником политического¹.

Процессы отчуждения способствовали появлению независимых от общин изгоев – индивидуумов, обладавших излишней пассионарностью. Подобного рода объединения в Новое время называли разбойничьими бандами. Однако в свое время мужской союз сыграл исключительную роль в мировой истории. Объединив банды молодежи в пределах Лация и заключив договор с местными скотоводческими общинами, Ромул основал Рим (Нечай 1972: 10–11). Архетип мужского союза лежал в основе появления главных полисов Греции (особенно Спарты). «Люди длинной воли», будучи изгоями Великой степи, сделали Темучина Чингисханом (Гумилев 1994: 223).

---

¹ О мужских союзах и лигах см., например: Новожилова 2000: 110–111; Калюта 2000; о роли мужских союзов в происхождении государства в ряде обществ см.: Гринин 2020.

Именно консолидация подобного рода «свободных атомов» в Западной Европе и привела к появлению феодалов. Кстати, склонность к разбою не покидала большинство из них еще долгое время. Рыцарский разбой на дорогах с целью получения выкупа был настоящим бичом в то время. Уместно здесь вспомнить классический роман Вальтера Скотта «Айвенго».

После феодальной революции происходит полное отделение (по крайней мере, в Западной Европе) политического (вначале военно-политического). В Древнем Риме мы имеем только социально-политическое. Достоинства политика еще оценивались с точки зрения критериев этики и морали (Утченко 1977: 65). Появление реальной политической воли у диктаторов, а затем императоров носило отчужденный характер. В отличие от отделенного отчужденное не имеет потенциала развития.

В дальнейшем, в процессе формирования национального государства, политическая власть отдельных феодалов концентрируется в особе короля. Появляется институт абсолютной монархии. Собственность остается у феодалов, которые в Новое время трансформируются в дворян (Кондорский 2024: 81). Политическое превращается в самостоятельный феномен, имеющий свои внутренние законы и развивающийся затем в течение всего Нового времени (см. об эволюции государственности от раннего государства к развитому и затем к зрелому: Гринин 2016).

Древняя Русь

Для славян первой половины – середины 1-го тыс. н. э. был характерен общественный строй, похожий на таковой у германцев времен Тацита. Существовал совет старейшин. Верховная власть принадлежала народному собранию. У славян, так же как и у германцев, создавались частные объединения для ведения войны (набегов) на свой страх и риск (Левченко 1938: 28–30). Однако деятельность подобного рода дружин не отражала интересы общины (Свердлов 1997: 30).

В VIII–IX вв., когда земли Восточной Европы в значительной степени были уже освоены славянским населением, наблюдался приток многочисленных групп славянских переселенцев из Подунавья. В процессе расселения старая племенная старшина утрачивала свои позиции, уступая место служилой (Горский 2004: 19). Мигрировали небольшими группами (вплоть до Северо-Запада) металлурги, гончары, ювелиры (Седов 1999а: 184).

Германские племена времен Тацита (I в. н. э.) представляли собой общности, основанные на кровнородственных связях. В ходе начавшегося затем переселения народов произошло дробление племен, включение в различные надплеменные образования. В эпоху переселения славян происходили аналогичные процессы (Горский 1989: 19).

Мы считаем, что в период, предшествующий миграции, в Подунавье произошла трансформация славянских общин. И немалую роль в этом сыграло господство аваров, которые разрушили здесь славянскую ойкумену традиционного типа. На смену общинам закрытого типа пришли общины открытого типа. В свое время типичной общиной открытого типа был Рим.

Вероятнее всего, миграция происходила в основном за счет членов мужских союзов. Подобного рода группировки установили контроль над общинами закрытого типа на территории Русской равнины, заключив с ним своеобразный договор. В результате появляется князь со своей дружиной, имеющий элементы публичной власти. Источником публичной власти всегда является общественный договор.

Происходит усиление роли Перуна в пантеоне славянских богов, который является покровителем военного дела, ремесла. Возрастает значение военной знати, рост роли ремесла, металлургии (Алексеев 2015б: 85–86). Перун выступает как покровитель князей и дружинников (Его же 2015а: 42). Древнее обращение к богу о помощи превращается в личное имя княжеского бога – родоначальника (Дажьбога). Солнца дай – (дажь) бог. Княжеский предок теперь – «бог дающий», главный источник людской удачи. Этот миф укрепляет сакральную и политическую власть князей (Там же: 119).

В IX в. Русская равнина и ее водные пути оказались в центре пространства торговых связей, включавшего Византию, Европу, Скандинавию, Арабский Восток. В это время на основе «свободных атомов», представленных варягами, славянами (и не только), появляются объединения русов на основе архетипа мужского союза (изгоев самого различного происхождения), представлявшие собой торгово-военные корпорации и торговавшие в основном рабами и пушниной (Мавродин 2008: 187–188).

На определенном этапе исторического развития появляется потребность в новых отношениях. Корпорация русов, возглавляемая

Рюриком, заключает общественный договор сначала с конфедерацией северных племен (словенами, кривичами, меря) (Седов 1999б: 117–120), а затем с полянами (Ловмянский 1985: 140–142)². Начинает формироваться ойкумена нового типа, имеющая сакрально-политическое пространство. Русь включается в геополитическую систему Евразии.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что это объединение не являлось государством в собственном смысле этого слова (Дворниченко 2018: 194). Русские князья не имели собственного политического сознания и руководствовались в своей политике законами ойкумены, а не политической системы, как это делали византийские василевсы. В данном случае ойкумену мы рассматриваем как своеобразную социально-географическую систему, имеющую свои внутренние законы (Кондорский 2017а: 20–21; 2021б).

Попытаемся разобраться с институтом власти, появившимся в Киевской Руси в IX–X вв. Основным базисом сформировавшейся здесь ойкумены была международная торговля. Политическое пространство княжеской власти подчинялось ее законам. Земледелие играло вспомогательную роль. Субъектом политического пространства являлись не отдельные князья, а род в целом как своеобразная коллективная личность. Сразу следует оговориться, что «политическое» здесь нужно воспринимать в весьма условном виде.

Исследователи уже давно обратили внимание на семейный характер отношений между князьями (родовой сюзеренитет) (Пресняков 1993: 80–81). Кстати, братское совладение было характерно и для Мервингов, и для ранних Каролингов (Назаренко 2007: 50–52). Получается, что князья в своих взаимоотношениях выступали не как политические акторы, а как родственники, имеющие родовой, а не политический тип сознания. Если князя обижали при распределении волостей, он вел себя не как политик, а как обиженный родственник (Толочко 1992: 153). Коллективный характер управления, с одной стороны, создавал почву для различного рода конфликтов и трений, а с другой – заставлял князей постоянно искать компромиссы и договариваться между собой (Там же: 175).

---

² Однако важность влияния норманнов на формирование Русского государства оспаривается, и этот вопрос является предметом дискуссии на протяжении уже более двух столетий (см. дискуссию по этому вопросу в журнале «История и современность»: Губарев 2024; Романчук 2024).

Как на историческом этапе, предшествующем архаическим революциям, так и в предфеодальный период власть носила телесный характер. Она воспринималась сознанием того времени как нечто материальное, вещественное, имущественное. То есть власть как бы числилась в родовом имуществе Рюриковичей, и они могли ею распоряжаться так же, как и другими видами имущества (Кондорский 2017б: 151). Антропоморфная концепция государства, в которой князь – голова, а народ – тело, присутствует в «Слове о полку Игореве» (Толочко 1992: 15).

Основным проявлением телесности княжеской власти в архаический период было полюдьё. Князь регулярно объезжал свою территорию. Конкретное появление князя означало присутствие здесь власти в его лице. Употребление пищи, предоставляемой местным населением, воспринималось как телесное единство с ним (Кондорский 2017б: 152).

Князь и его власть были неотделимы от дружины. Князь и дружина составляли единое целое, единый «организм». Дружина – как часть тела князя. Особенно это касается IX–X вв. Связь князя и дружины на основе очага и хлеба (Пресняков 1993: 187) подразумевала их единение с княжеским домом. Дружинники разъезжали по поручению князя, творя суд и расправу, собирая дань, заключая договоры (Мавродин 2008: 268). Здесь они выступают как олицетворение князя, его власти-тела. Тем самым князь может одновременно «присутствовать» в различных местах подвластной ему территории.

Особенность княжеской власти заключалась также в посадении правящим князем своих сыновей в стратегически важных городах (Петрухин 2000: 132), как правило, в центрах бывших племенных княжений (Свердлов 1983: 34). Сыновей князя здесь следует рассматривать как части его телесной личности.

Все это объясняется тем, что сознание человека того времени носило в своей основе сакрально-языческий характер, даже когда Киевская Русь приняла христианство (Поляков 2006: 69). Реально христианство скользило по поверхности древнерусского общества (Дворниченко 2014: 277). Культ христианского бога рассматривался как один из существующих на Руси культов, наравне с культурами языческих богов (Горский 2004: 277). Во время бедствий в общественном сознании оживали, срабатывали языческие обычаи, определявшие поведение людей (Фроянов 1995: 186).

Договор (ряд) с волостной (городской) общиной заключался князьями не по законам политической системы, в соответствии со спецификой института реципрокации. Имел место обмен услугами. Князь в волости обеспечивал административное управление и внешнюю безопасность (князю защиту).

Городская община не имела и не могла иметь свою публичную власть. Персона князя как раз воспринималась как телесное олицетворение власти, без которой община чувствовала себя уязвимой. Без князя город не считался суверенным (Кривошеев 1999: 50). Публичная власть воспринималась как органическая часть особы князя.

Во второй половине X в. происходит упадок городищ, которые были основой предыдущей племенной ойкумены. Города нового типа населялись находниками – людьми со стороны. Новгород – это не город словен, так же как Киев – не город полян (Милов 2014: 60). На смену племенной элите, основанной на кровнородственных связях, приходит новая, основу которой составляют уже территориальные отношения. При этом надо обратить внимание на очень важный момент. Не происходит кардинальных изменений в сознании, в нем изменения пока не носят революционного характера.

В начальный период формирования Новгорода основу общины мужей составляли главы патронимий, которые назывались боярами. Бояре – члены вечевого общины, которые основали город и были его первыми поселенцами. Однако большую часть населения города составляли люди, которые были вне вечевого общины и находились в юрисдикции князя (Алешковский 1974: 102–107). Со временем большая часть городских «изгоев» приобретает статус полноправных общинников.

Просматривается полная аналогия с процессом развития римской общины. Сначала права имеют только первопоселенцы – патриции, в отличие от неполноценных плебеев. Плебеи находились под покровительством и опекой римского царя, который, так же как и князь, был человеком со стороны. В республиканский период плебеи постепенно становятся полноправными гражданами римской общины.

Во второй половине XI в. набирает силу городская община. Развиваются и крепнут ее организационные структуры (Майоров 2001: 23). В этот же период новгородское боярство представляет собой корпорацию и служит не князю, а самому себе, своей корпорации

(Горский 1989: 450). В Киеве местные бояре появляются в начале XII в. (Данилевский 1998: 107).

У любой социальной структуры корпоративного типа внутренние интересы всегда доминируют над внешними. Происходит своеобразная автономизация городских общин и в то же время сегментация Древней Руси.

Все большее значение приобретает договор (ряд), заключаемый городской общиной с князем. При этом в судебных решениях он должен был придерживаться не своей, а городской «правды» (Котляр 2016: 16). Нарушение договора князем приводило к его изгнанию (Майоров 2001: 22). Усиливается влияние вечевого собрания (Данилевский 1998: 158). Князь все больше зависит от города. Вместо дани с покоренных племен основным средством существования князя и его дружины становятся кормление за счет города, судебные штрафы, торговые пошлины (Фроянов 1995: 198). Если исходить из концепции общинной и надобщинной (в лице князя) элит, то здесь начинает явно доминировать первый тип.

Весь период существования Киевской Руси в XI–XII вв. отсутствуют какие-либо попытки реформ, направленные на изменения социальных отношений. Действия князей, с одной стороны, направлены на упорядочивание взаимных отношений, связанных с наследованием волостей. С другой стороны, предпринимаются неоднократные попытки утвердить отчинность – передачу власти своим сыновьям (Толочко 1992: 42–43), каждый раз заканчивающиеся неудачей.

В итоге оказываются недолговечными попытки объединения Руси, слабыми выглядят позывы политического (именно политического) объединения Руси. Подобного рода попытки со стороны Андрея Боголюбского закончились для него весьма печально.

Князья старались не выходить за пределы своей ойкумены – «создания существующей ойкумены». Древняя Русь в этот период находилась в инерционном состоянии. Соответственно, это же было характерно и для тогдашней элиты.

В конце XII – начале XIII в. Русь как историческая система уже не имела никакой перспективы дальнейшего развития и находилась в состоянии деградации. Нападения князей друг на друга, несоблюдение ими союзных и прочих соглашений, нарушение клятв, грабежи и разорение городов сопровождало историю Древнерусского государства вплоть до конца его существования (Котляр 2013: 13).

Феодальная революция и ее последствия

Здесь мы подходим к очень важному вопросу – проблеме феодализма в Киевской Руси. Большинство специалистов считает, что на Руси уже существовал феодализм. Основная дискуссия касается степени его развития. В то же время часть ученых, в первую очередь И. Я. Фроянов и его ученики, рассматривают этот период как дофеодальный (Фроянов 1974, 1995).

В Киевской Руси не было феодализма как системы. Имели место процессы феодализации, когда появляются внешние признаки, характерные для феодальной формации. Точно такую же картину мы наблюдаем в Западной Европе в период Меровингов и ранних Каролингов. В научной литературе подобного рода периоды называют ранним феодализмом. Можно принять этот термин, но при этом надо иметь в виду, что последующие феодальные революции отрицали все, что им предшествовало, так же как это происходило во время архаических революций.

Феодальная революция имела место во второй половине XIII в. уже в рамках формирующегося Московского государства и послужила основой (базисом) его дальнейшего развития. Почти на 300–400 лет позже, чем в Западной Европе (Кондорский 2019б: 126; 2021а: 57–58).

Как уже говорилось выше, любая революция сопровождается устранением носителей старого сознания. В данный период такими были городские общины. В Северо-Восточной Руси это сопровождалось регулярными репрессиями по отношению к ним со стороны Александра Невского и его сына при помощи татар. Еще в 1252 г. Александр позвал Неврюеву рать. По просьбе его сына Андрея Александровича татары шесть раз совершали набеги (Оловинцов 2018: 197). Александр Невский выбрал из двух зол меньшее, заключив военный союз с Батыем.

Этот политический курс отличался от политики Данилы Галицкого. Еще в 80-х гг. XII в. Галицкое княжество находилось в состоянии стасиса (смуты). Местные бояре участвовали в военных действиях, сменяли князей в своих интересах при самом активном вмешательстве соседних государств (Майоров 2001: 609–611). При этом ни та ни другая сторона не давали друг другу никакой пощады (Можейко 1989: 351–364). Роман Мстиславич, объединивший в одних руках Галицкое и Волынское княжества, а затем его сын Данила Галицкий немного стабилизировали ситуацию.

В свое время М. С. Грушевский выдвинул концепцию, согласно которой Галицко-Волынское княжество послужило основой будущей Украины, а северо-восточные княжества Руси – уже России. Однако все эти княжества следует рассматривать как простое продолжение Древней Руси без какого-либо потенциала развития, как тупиковые ветви исторического развития. Единственное: тот архетип элиты, который сформировался в Галиче в конце XII в. (связанный с ее расколом), будет регулярно воспроизводиться на Украине вплоть до нашего времени.

Как известно, Данила Галицкий пытался придерживаться европейской ориентации, хотя эта политика принесла ему только проблемы (Котляр 1998: 210). В отличие от Александра Невского, галицкий князь старался всячески дистанцироваться от Орды, надеясь на помощь западных держав, которой он, кстати, так и не дождался. В конечном итоге в первой половине XIV в. Галицко-Волынское княжество прекратило свое существование и его территория была разделена между соседними государствами (Яковенко 2009: 106–107).

Впоследствии огромные территории Малой и Белой Руси, управлявшиеся своими князьями и избравшие путь слияния с Западом, потеряли свою независимость в течение полувека. Этот выбор привел к насильственному лишению подлинно русской самоидентификации с заменой ее на псевдонациональные маркировки – украинцев и белорусов, произведенной усилиями польской шляхты (Ларионов 2015: 162).

Установление Литвой контроля над территориями Малой и Белой Руси в XIV в. обусловило здесь крайне низкий уровень феодальной революции³. Вследствие этого восточнославянские земли долго находились на «общинной» стадии развития. С этим была связана масса архаических пережитков, доживших до очень поздних времен, с учетом наследия, полученного этими землями со времен Киевской Руси. По-прежнему сохранялась суверенность

---

³ Это в основном было связано с тем, что Литва образовала государство намного позже других европейских народов, в культурном плане она отставала от западнорусских земель и заимствовала их культуру (см.: Петкевич 2006б). По этому поводу Л. Е. Гринин (2015: 23) пишет: «Поэтому какое-то время западнорусский язык был государственным. Пожалуй, в первый (и, увы, едва ли не в последний) раз в истории украинские территории не сами выступали объектом геополитического культурного воздействия, а, напротив, осуществляли культурную экспансию».

городской общины, политическая активность ее граждан, вечевое правление. То же самое касается института кормления, который на Руси лежал в основе взаимоотношений князя и городской общины (Дворниченко 1995: 298–302).

Как известно, основу феодальной формации составляет владение землей и зависимыми (тягловыми) людьми, ее обрабатывающими. До половины XVI столетия в центральных областях Литовского государства ценными считались земли, на которых можно было вести лесное хозяйство, ловить зверя и рыбу, разводить пчел. При этом черноземные залежи считались малоценными. Обработка земли здесь практиковалась в малых размерах, для первых потребностей хозяйства (Гурбик 1998: 255). То есть здесь мы имеем то, что было характерно еще для Киевской Руси.

Современная украинская элита по всякому поводу и без него декларирует свою преемственность с Киевской Русью. На самом деле так оно, по существу, и есть. Но, как уже говорилось, чем выше уровень преемственности с предыдущим этапом исторического развития, тем ниже потенциал последующего развития, что мы наблюдали и наблюдаем в истории Украины. Украинский язык действительно ближе к древнерусскому, но это говорит о его меньшей развитости и примитивности по сравнению с русским языком.

После того как в 1471 г. Киевское княжество превратилось в воеводство, Литва начала на этой территории вводить феодальный порядок государственного строя, заимствованный в Польше (Костомаров 1994: 8). Под этим влиянием принцип земельного владения на Украине стал складываться совершенно иначе, чем в течение многих веков до этого. Южнорусское население, встретив невиданный порядок вещей и постепенно обезземеливаясь, стало бросать центральные места государства и уходить на его окраины, превратившись в казачество (Яворницький 1990: 13).

В Западной Европе результатом феодальной революции стало появление территориальной сельскохозяйственной общины, которая, несмотря на внешнюю зависимость от феодала, обладала внутренним самоуправлением. И главное, имела тип социального сознания, который не позволил превратить крестьян в крепостных. Подавляющее большинство западноевропейских крестьян всегда были лично свободными. Здесь нужно четко различать использова-

ние термина «крепостничество» в рамках феодального периода и крепостных крестьян Нового времени.

Украина в составе Речи Посполитой

Во второй половине XVI в. проводится так называемая волочная реформа, которая превращает крестьян в классических крепостных (Гурбик 1997). Во многом это было связано не столько с внутренними, сколько с внешними причинами. В Западной Европе в связи с ростом городов резко возрастает потребность в хлебе, что делает крайне выгодным зерновое земледелие.

В это же время начинается трансформация местной элиты, дети которой учились в Польше и за границей в учебных заведениях, обычно находившихся под контролем иезуитов, всячески внушавших отвращение к вере отцов (Костомаров 1994: 132). Происходит массовый переход элиты Руси в католичество и принятие образа жизни польской аристократии, особенно после Люблинской унии.

Формируется единая управляющая элита. Ряд родов местного происхождения становится намного богаче даже коренных польских фамилий. Острожские владели 80 городами и 2760 селами. Князь Иеремия Вишневецкий имел 230 тыс. подданных (Смолий, Степанков 2009: 68). В этот период на территории Малой Руси наблюдался очень высокий уровень концентрации земельной собственности (Бойко 2010: 148).

Появляется фольварковый тип хозяйствования и магнатское земледелие (Терещенко 1996: 385). Шляхтич становится наследным владельцем своих имений и господином живущих там крестьян. Во владениях магнатов фольварками управляли доверенные лица, в основном из обедневшей шляхты. Идет процесс интенсивного формирования отношений по типу «патрон – клиент». Большая часть шляхты попадает в прямую зависимость от магнатов и видит в них, а не в короле, своего реального сюзерена. Обезземеливавшаяся шляхта превращается в своего рода «дворню», которая всем обязана магнату и живет исключительно за счет его милости. Несмотря на формальную принадлежность к одному сословию, магнат реально превращается в господина по отношению к зависимой шляхте (Яковенко 1993: 231).

Основой фольварочного хозяйства был принудительный труд. Крестьяне были обязаны бесплатно работать на полях господина. Панщина, которая в конце XV в. составляла 14 дней в году, в сере-

дине XVI в. уже достигала 3–4 дней в неделю и продолжала увеличиваться (Компан 1954: 14).

Внутренний рынок Речи Посполитой отличался крайней слабостью. Здесь не было рынка товаров как своеобразной системы, имеющей потенциал прогрессивного развития. И это при том, что в Западной Европе в то же время уже начинают формироваться капиталистические отношения. Система фольваркового хозяйства была только придатком формирующейся европейской экономической системы и не входила в ее состав. При этом деньги, полученные от продажи зерна, в основном тратились на предметы роскоши, к тому же покупаемые за границей. Польская аристократия имела, по существу, престижный тип сознания, уходящий своими корнями в архаический период.

Не было даже намека на появление «работающего» капитала. Конечно, в еврейской среде были определенные средства, но этому мешало отсутствие каких-либо политических прав у данного слоя польского населения. Наличие ремесленников в составе фольварков сдерживало развитие городского ремесла. Шляхта не способствовала развитию городов (Там же).

О полном отсутствии у польской элиты общегосударственного сознания говорит тот факт, что ни король, ни магнаты за 300 лет не удосужились построить свой флот. Магнатская шляхта была вынуждена продавать хлеб гданьским посредникам, имевшим свои корабли, по относительно низкой цене.

Политическое устройство Речи Посполитой имело свои особенности. Здесь не существовало того абсолютизма, который был в это время характерен для Западной Европы. Ришелье во Франции всеми доступными средствами пресекал политические амбиции титулованной знати. Если считать первичным источником политического королевскую власть, то на местах в Польше эту роль играли королевские имения и замки. Еще в XV в. их начинают передавать под управление местной знати. Постепенно они переходят в ее собственность (Зазуляк 1998: 84), и тем самым новоявленные магнаты становятся обладателями политической власти. Польская аристократия имела свои воинские контингенты, могла проводить самостоятельную внешнюю политику и даже обладала официальным правом на сопротивление королевской власти – рокош (Голобуцкий 1962: 44–45). Даже шляхтичи средней руки были полностью независимы от короля и чувствовали себя в своих имениях полными суверенами (Буцинский 1882: 17).

На Украине на смену ополченной старой элите приходит новая – в виде казацкой старшины.

Следует отметить, что в этот исторический период мы имеем сословное общество с соответствующей структурой. Во Франции, как известно, было три основных сословия – дворянство, духовенство и так называемое третье сословие. Каждое сословие имело свою элиту. При этом нужно иметь в виду, что каждое сословие также обладало своей структурой, отличаясь заметной неоднородностью. Дворянство состояло из «дворянства шпаги» и «дворянства мантии», которые имели различные типы общественного сознания. Еще более неоднородно было третье сословие, где буржуазия (и не только) была представлена целой системой корпораций. Нужно также учитывать региональный (провинциальный) аспект. При этом каждая корпорация уже имела свою элиту.

Особенностью любой корпорации и в тот период, и в современный является преобладание внутренних интересов над внешними. Реестровое казачество, появившееся в середине XVI в., представляло собой типичную корпорацию (Чухліб 2003: 50) с соответствующим типом сознания. До начала народно-освободительной войны реестр в мирное время не превышал 10 тыс. казаков. Следует обратить внимание на тот факт, что старшина была сугубо корпоративной элитой, а не элитой украинского народа, как пытаются представить современные украинские историки.

Еще один очень важный момент. Реестровые казаки находились на службе у польского короля и в этом отношении ничем не отличались от его немецких наемников. У казаков доминировал в социальном сознании наемнический аспект со всеми вытекающими отсюда последствиями. Казачество старалось дистанцироваться не только от крепостных крестьян, но и от городского мещанства. Уже в период освободительной войны потомственные казаки с нескрываемым презрением относились к показаченным крестьянам. Получается, что казачество, по существу, было инородным элементом украинского народа.

Наиболее близкий аналог казаков – это «гази» периода войн между Византией и сельджукскими княжествами в Анатолии. Гази, которые являлись пассионарно настроенными выходцами из разорившихся крестьян, став воинами, в составе небольших отрядов регулярно тревожили территорию Византии. То же самое касается японских самураев – вчерашних крестьян, которые воевали на территории острова Хонсю с его коренным населением – айнами. И те

и другие, в отличие от украинских казаков, появились «исторически вове́ремя». Деятельность анатолийских гази стала основой будущей Османской империи, а ранних самураев – средневековой Японии.

Хмельнитчина и Руина

Что касается освободительной войны, то ее начало нельзя объяснить рациональными причинами. В это время реестровое казачество не подвергалось каким-либо экстраординарным притеснениям и сохраняло свои привилегии. То же самое касается восстаний 1631 и 1632 гг., тем более что их руководители были подвергнуты весьма жестоким казням (Яковенко 2009: 282–283). Казаки перед войной отличались заметной зажиточностью, владели хуторами, сенокосами, лесами, пасеками (Шевченко 1959: 178).

Ряд современных украинских историков пытается представить этот период (1648–1676 гг.) как национальную революцию, да еще сопоставимую с Английской революцией (Бойко 2010: 149; Смолий, Степанков 1999; Степанков 1997). Подобного рода подход не выдерживает абсолютно никакой критики. Конечно, термин «революция», несмотря на все социальные издержки этого явления, приятно ласкает слух историка. Придает тем или иным историческим процессам оттенок благородности.

Еще более анекдотичными выглядят попытки представить казаков фермерами (Смолий, Степанков 1999: 337; 2009: 69). Основой казацкого типа хозяйствования были уходнические промыслы – использование природных угодий, водоемов и степей: добыча пушнины, ловля рыбы ценных пород, пчеловодство (Смолий 2018: 26). Так называемые казацкие «фермеры» «жили на мясе, на рыбе, на меду» (Щербак 1991: 49). То есть речь идет о формах хозяйствования, уходящих своими корнями в архаический период.

В Древней Руси человек вел хозяйство в рамках природных ландшафтов. Основой появления в Западной Европе феодализма как системы (его экономического базиса) стали первичные агроландшафты, появившиеся в результате внутренней колонизации – «великих расчисток» XI–XII вв. (Блок 1957: 45–46). Это определило появление крестьянина с другим типом сознания – «сознанием агроландшафта» и послужило основой для начала формирования классического фермерства уже в рамках капиталистической формации. В то же время на Руси при сравнительно малочисленном населении, разбросанном по необозримому пространству Восточ-

ной Европы, лежало много неподделанных, никем не освоенных земель (Фроянов 1974: 95).

Весь период освободительной войны состоит из двух основных этапов. Первый этап можно назвать Хмельнитчиной (1648–1957 гг.), термином, который уже используется в научной литературе. Дело в том, что весь этот период и военная, и дипломатическая, и административная деятельность украинского казачества в первую очередь определялась железной волей Богдана Хмельницкого. Его фигура более чем заметно возвышалась над остальной казацкой старшиной.

Хмельнитчину следует рассматривать как рецидив «неполноты» феодальной революции. Обычно все революции имеют революционный период, в рамках которого происходит переход от одного этапа исторического развития к другому. В Московском государстве революционный период начался во второй половине XIII в. и закончился при Иване III присоединением последнего реликта Руси – Новгорода (Кондорский 2019б: 126; 2021а: 58). Как уже говорилось выше, одной из основных задач любой революции является устранение носителей старого сознания. Опричнина Ивана Грозного и разорение Новгорода носили уже рецидивный характер. Низкий уровень революции размывает границы революционного периода, способствует увеличению его продолжительности.

Казачество не прошло горнила феодальной революции. Этническая основа его социального сознания осталась полностью архаической. Как ни покажется странным, даже более архаической по сравнению с крестьянством и мещанством. В первую очередь это относится к Войску Запорожскому Низовому (Ульянов 1996: 16). Запорожская Сечь существовала на основе обычного права (Никитин 1987).

Как уже говорилось выше, казачество представляло собой классическую корпорацию, которая дополнительно спланировалась военно-грабительскими походами на татар, турок и др. Во время начавшегося восстания по-прежнему доминировали прокоролевские настроения. Сознание старшины еще не доросло до идеи автономизма. Она в основном выступала за обновление основных прав и привилегий, увеличение численности казацкого реестра. Гетман, как и основная часть старшины, считали Речь Посполитую своей родиной, а короля – единственным законным правителем (Смолий, Степанков 1997: 30–31).

У старшинской элиты отсутствовал опыт государственного строительства (Смолий, Степанков 2014: 40). Здесь нужно подчеркнуть, что к началу собственно революций обычно появлялась элита, способная к государственному строительству и эффективному управлению. Достаточно вспомнить Английскую, Американскую, Французскую революции. В процессе феодальной революции в Малой Руси так и не появился свой Иван Калита. В период Хмельнитчины сложилась крайне слабая, плохо структурированная система публичной власти, уходящая своими корнями в устройство Запорожской Сечи. В основе этой системы лежала казацкая демократия, на деле сплошь и рядом оборачивающаяся охлократией.

Во время Хмельнитчины к казацкому войску стекались вооруженные селяне и мещане. Иные просто организовывали шайки, выбирали атамана и занимались грабежом и убийствами. При разорении имений не было пощады ни старцам, ни грудным младенцам. Часто истребляли и домашних слуг, если они были католиками или униатами. Людей вешали, распиливали пополам, буравили глаза, сдирали с живых кожу. После кровавых сцен обыкновенно следовала гулянка. Пели и плясали среди пепелищ и трупов (Костомаров 1994: 221). Не повезло и евреям. В результате погромов и массового бегства евреев на территорию Польши и других стран Европы погибла и умерла от голода почти половина еврейского населения Украины (Зеленина 2008).

Несмотря на то что Богдан Хмельницкий последовательно проводил курс на укрепление гетманской власти, он так и не смог сформировать устойчивую систему политического режима. Власть Хмельницкого держалась на его авторитете, харизме. Для подтверждения последних нужно было регулярно одерживать победы. В то же время политический режим, созданный Петром I, несмотря на низкий уровень компетентности Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, выдержал испытание на прочность и показал свою несомненную эффективность.

В своей внешней политике Хмельницкий был вынужден постоянно «блуждать между трех сосен», иногда с привлечением Дунайских княжеств и Швеции. Уже после Переяславской рады Хмельницкий неоднократно пытался сделать шаги в направлении принятия шведского протектората (Чухліб 2005: 75).

Несмотря на блестящие победы, к 1653 г. на Украине сложилась катастрофическая ситуация (Степанков 2003: 32). Польше удалось организовать антиукраинскую коалицию с участием всех Ду-

найских княжеств. Польское правительство категорически отказалось от проведения переговоров. Украинское посольство было арестовано (Степанков 1991: 131). Поэтому можно считать, что Хмельницкий сделал правильный выбор, приняв протекторат Москвы. Это позволило в недрах Российской империи, а затем Советского Союза сберечь украинский народ, получить страну с нынешними границами (Горелов и др. 2017: 239).

Богдан Хмельницкий оставил Украину в самом неопределенном, хаотическом состоянии – как в общественном, так и в политическом отношении. Он сделал Украину яблоком раздора, театром войны между соседними державами (Буцинский 1882: 237).

После его смерти наступает период гражданской войны, который в народе прозвали Руиной. Корпоративные интересы в этот период преобладали над государственными. В полной мере проявили себя властолюбие, амбициозность, эгоизм старшины (Смолий, Степанков 2009: 217). Старшинская элита показала свою неспособность предложить народу консолидирующие цели, постоянно игнорировала интересы народа и самого казачества ради собственной выгоды.

Если Хмельницкий сформировал жесткую вертикаль государственного управления (которая держалась на его авторитете), то после его смерти начался трагический по своим последствиям процесс паралича местных органов власти, что сопровождалось анархизацией социально-политической жизни (Смолий 2014: 39).

Игнорирование И. Е. Выговским интересов запорожцев, показанных крестьян и мещан стало причиной гражданской войны 1658–1663 гг. После взятия Полтавы и казни промосковского Пушкаря Выговский приказал расстрелять 7 тыс. пленных, а остальных отдал татарам. Татарам также было позволено разграбить Полтавщину (Смолий, Степанков 2009: 206, 310).

Жестокость и мстительность старшинской элиты проявили себя во время выборов гетмана в Нежине в 1663 г., когда между противоборствующими сторонами произошли вооруженные столкновения (Горобець 2013). Победивший Иван Брюховецкий тут же казнил своих соперников Якима Сомко и Василя Золотаренко по обвинению в измене. Несмотря на многочисленные клятвы верности Алексею Михайловичу, гетман левобережной Украины Брюховецкий тайно установил отношения с Портой (Смолий, Степанков 2009: 338).

После убийства Брюховецкого правобережным гетманом Дорошенко последний принял протекторат Османской империи. В конечном итоге в результате набегов татар все правобережье практически обезлюдело. Опустели города, местечки, села. Цветущий край превратился в пустыню (Ефименко 2011: 80). К середине 70-х гг. не было ни одного города, ни одного села, где бы не имели место разрушения (Смолий, Степанков 1999: 335).

Кстати, Дорошенко сначала присягнул царю, затем переметнулся к полякам. Разругавшись с ними, стал вассалом турецкого султана. В конечном итоге он был прощен Москвой, получил приличное имение, где тихо скончался уже при Петре I в 1698 г.

В период Руины политика украинских гетманов носила протитуированный характер, который не имел аналогов в европейской истории. Гетманы выступали в роли сутенеров, предлагая то одним, то другим великим державам того времени Украину, только бы удержаться у власти. Редкий гетман не изменял царю. Издаваемые в оправдание универсалы поражают неразборчивостью лжи (Ульянов 1996: 78–79).

В завершение этого раздела добавим, что, как верно замечает Л. Е. Гринин (2014, 2015), на Украине сложилась модель олигархической государственности. Ясной связи между формой государственности и идентичности в национальном сознании не сложилось, что существенно влияло и продолжает влиять на неустойчивость государства. Слишком большой была роль олигархии и самозваной аристократии, начиная от мятежей боярства в Галицко-Волынской Руси в XII в. до формирования чудовищных латифундий польско-украинских помещиков (Потоцких, Конецпольских, Вишневских и т. п.) с почти государственным суверенитетом в XVI–XVII вв. Далее институты казачьего самоуправления оказали глубокое влияние на идеологию управления обществом и возникли как реакция на усиливающиеся гнет и несвободу, как протест против государственной жесткой дисциплины. Казачество поэтому было практически равнозначно антигосударственной идеологии (см. об устройстве казачьего круга, например: Петкевич 2006а).

Л. Е. Гринин (2014, 2015) подчеркивает, что модель казацкой старшины, выбирающей и свергающей гетмана, с постоянной борьбой партий и сменой курса, достаточно глубоко укоренилась в ментальности, тогда как во Франции, Пруссии и Австрии утверждался абсолютизм, а в России восторжествовала модель еще более жест-

кого единоличного правления. В более близкой тогда Польше весьма привлекательной для казацкой верхушки (шляхты) выглядела модель «дворянско-республиканской монархии». И этот образец вольницы польской шляхты при слабом короле никак не способствовал идее крепкого государства на Украине. Этот политический архетип закрепился в украинском сознании на столетия. В результате неспособность найти определенную форму правления определила и неспособность реформировать важные институты в новейший период истории Украины. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, деспотичность, свойственная среднеазиатским республикам и Азербайджану, здесь не годилась (иной менталитет), а с другой – сильная президентская власть тоже не приживалась вследствие того, что традиционно элита (старшина) относилась к лидеру без должного пиетета; следует учитывать также особенности населения. В итоге образовалась олигархическая модель, при которой для политической победы требовалась помощь извне (традиционная ситуация периода *гетманата*).

Украина в составе России

Взаимоотношения соседей Украины – Московского царства, Польши, Порты, Швеции – имели свою внутреннюю логику, практически независимую от Украины того времени. Тяжелые поражения польских войск от Богдана Хмельницкого не помешали Польше переломить ситуацию в свою пользу в войне со Швецией 1655–1660 гг. Несмотря на начало упадка страны, она еще имела заметный регенерационный потенциал. Украина в этих отношениях играла исключительно роль объекта («игрушки») в политических играх великих держав. Все это закончилось ее разделом на основе Бучачского, Журавнического, Бахчисарайского, Андрусовского договоров.

Уже в период Руины началось закрепощение старшиной крестьян и даже обедневших казаков (Гуржій 1994). Хотя обычное право запрещало старшине владеть поместьями (Смолій, Степанков 1999: 334), пользуясь тяжелым положением разоренного казачества, старшина начала скупать их земли уже во второй половине XVII в. Часто это происходило силовым путем (Шевченко 1959: 58–59). Раздача имений гетманской властью приняла массовый характер. Только Иван Мазепа выдал около 1000 универсалов (Дядиченко 1959: 56).

Ненасытность старшины встречала сопротивление даже со стороны российского руководства, которое пыталось остановить процесс обнищания казаков (Когут 1996: 40).

Кстати, казацкая старшина не только смогла сохранить свою собственность и привилегии, но и получить от российского правительства новые, как правило, в виде земельных участков (Циганенко 2009: 70).

Что касается Мазепы, то, несмотря на внешнюю лояльность Петру I, в душе он был русофобом. Уже в 1704 г. Мазепа через посредников установил контакты с тогдашним польским королем Станиславом Лещинским. Речь шла о возврате Украины в состав Польши на условиях Гадячского мира. В 1708 г. было заключено соответствующее соглашение (Оглоблін 2001: 254).

Деграция казацкой старшины особенно проявила себя в лице руководства Запорожской Сечи. Обычным стало воровство и своеволие запорожцев (Сергійчук 2006: 126). После измены Мазепы к нему на обед были приглашены запорожцы, на которых он возлагал определенные надежды. Там они перепились до безобразия и начали тащить посуду со стола. Мажордом сделал им замечание. Запорожцы обиделись и потребовали у Мазепы его выдачи «с головой», после чего зарезали как барана. Затем играли отрезанной головой «в футбол» (Костомаров 2005: 44).

Многие украинские исследователи сетуют на то, что в рамках абсолютистской России украинская держава с ее республиканской демократической формой правления не имела перспектив развития (Смолий 1991: 11). Здесь следует обратить внимание на очень важный момент. Только те государства Европы, где в то время существовала эффективная абсолютная монархия, имели потенциал развития. Казацкая демократия была полной противоположностью буржуазной демократии. По существу гетманщина стала химерным сплавом модели Речи Посполитой, которую старшина приспособила к своим потребностям, и сотенно-полковой системы казацкой армии (Яковлева 1998: 57). И еще по поводу украинского «республиканизма». В то время в Европе все республики представляли собой города-государства, основой существования которых была международная торговля.

На Украине в период ее пребывания в составе России отсутствовало то, что можно назвать народно-освободительной борьбой, в отличие от польских восстаний 1830 и 1863 гг. Если руководите-

ли польских восстаний руководствовались идеологией западноевропейских революций того времени, то для украинских крестьян с их архаическим сознанием идеалом был народный мститель, который с ножом и пистолетом борется с помещиками-эксплуаторами (Реснт 2009: 100).

В XIX в. процесс национального самосознания на Украине развивался чрезвычайно медленно, охватывая лишь узкие группы малороссийской интеллигенции, в основном гуманитарного профиля. В экономической деятельности украинцы не испытывали ограничений по этническому принципу. Следует обратить внимание, что Кирилло-Мефодиевское братство сочетало европейское представление о гражданском равенстве, политической, языковой свободе с архаической вечевой традицией и стремлением возродить казацкое народоправство (Михутина 2003: 246–248). Это говорит о сохранении даже на уровне украинской интеллигенции социального сознания, уходящего своими корнями в период Древней Руси.

Еще один важный момент, указывающий на архаические корни нарождающейся украинской торговой буржуазии. Одно из самых старых внеземледельческих занятий населения Украины – чумацкий промысел, который возник еще во второй половине XV в. В конце XVIII в. чумаки переключаются на извоз зерна, а затем и других товаров в азово-черноморские порты. В итоге чумацкий промысел сыграл большую роль в развитии товарно-денежных отношений на Украине (Слабеев 1964: 134–135).

В конце XIX в. появляется националистически настроенная украинская интеллигенция, в рамках которой уже тогда сформировался определенный архетип отношения к России и всему русскому, доминирующий сейчас среди современной украинской элиты. Был сформирован идеализированный миф украинского народа и казачества. Интересный момент. Почти все ведущие националисты того времени прямо или косвенно были связаны с Галицией, входившей тогда в состав Австро-Венгрии, или разделяли взгляды и идеи галицийского национализма. То есть вся «зараза» шла оттуда, так же как и сейчас.

В ее среде впервые появляется лозунг «Україна для українців». Пока хоть один «чужинец» останется на территории Украины, украинская «интеллигенция» не имеет права сложить оружие. Доминирование Москвы (России) над Киевом может быть устранено только победой. Необходимо приручить Москву, запрячь ее в

украинскую государственную телегу (Рог 2012: 32, 82). Сходство с менталитетом современной украинской элиты просто поразительное. В обоих случаях мы видим яркое проявление комплекса неполноценности.

И еще. Украинская элита всегда пребывала (в той или иной степени) в иллюзорном пространстве, еще со времен Хмельнитчины и Руины. Достаточно вспомнить монархические замашки Богдана Хмельницкого или требования старшины к Польше о создании независимого государства в рамках семи воеводств («від Сяну до Дону») (Смолий, Степанков 2009: 252, 311). По М. Грушевскому, фундаментом Великой Украины может быть только крестьянство (Грушевський 1991: 165). Селянство Украины должно послужить школой для других демократий мира, которые станут посылать в будущем к нему людей учиться жить и руководить. Подобного рода высказывания светочей украинской демократии заставляют сомневаться в их «здравом уме и твердой памяти».

Образовавшиеся в начале XX в. украинские партии социал-демократической, эсеровской и либеральной ориентации отличались своей малочисленностью. В этот период лозунг самостоятельной Украины был непопулярен среди основной массы украинского населения. Украинская социал-демократическая рабочая партия ограничивалась программными требованиями автономии (Михутина 2003: 25).

Гражданская война

По нашему мнению, события на Украине после Февральской революции носили в основном искусственный (верхушечный) характер. Весной 1917 г. руководители Центральной Рады думали только об автономии в рамках федеративной России. Содержание следующих друг за другом универсалов определялось характером событий в Петрограде и напоминало изменение тональности парижских газет по мере продвижения Наполеона к столице после его бегства с острова Эльба.

Так же как и события Хмельнитчины и Руины, Гражданскую войну 1917–1920 гг. украинские историки пытаются представить в качестве «национальной революции» (Грицак 2004; Реєнт 2016; Солдатенко 1999). При этом описания деятельности Центральной Рады и Директории напоминают нечто вроде оды типа: «Первый универсал стал причиной высокого поднятия духа нации. Привет-

ствуя Центральную Раду, народ приветствовал себя, свою возрожденную к жизни творческую волю» (Верстюк, Осташко 1998: 6). Однако реальность имела мало общего с подобного рода «песнопениями». К сожалению, мы имеем в большинстве случаев научно-суррогатный характер исследований современных украинских историков (Михайлюк 2009: 17).

Любая собственно революция имеет системный характер. Великая французская революция прошла ряд закономерных этапов и имела внутреннюю логику. Последующие основные революции развивались на основе аналогичного архетипа. О какой системности можно говорить на Украине, если власть в Киеве менялась 14 раз (!) (Грицак 2004: 72). Украина была «осколком» империи. Поэтому все политические события в период Гражданской войны носили здесь зависимый характер (Михайлюк 2000: 71).

Следует обратить внимание, что из 118 членов Центральной Рады не менее 100 были интеллигентами (Верстюк, Осташко 1998: 14). К тому же все основные руководители Украинской Народной Республики (УНР) были выходцами из сельской местности с архаической основой своего социального сознания. Специфика деятельности Временного правительства показывает, что ее интеллигентные министры не чувствовали законов политической системы и пребывали в рамках иллюзорного пространства. Абсолютно то же самое относится к членам ЦР.

И еще один момент. Когда интеллигенция начинает заниматься политикой, у нее тут же проявляется себя внутренний комплекс неполноценности. Попытки внешне проявить уверенность приводят к метаниям, чего в политической сфере (в соответствии с ее законами) делать категорически нельзя. Подобного рода поведение как раз и было характерно и для руководства Временного правительства, и для руководства УНР.

В январе 1918 г. государства под названием УНР фактически не существовало. Государство – это не только правительство, флаг, герб, гимн, национальная валюта. Государство – это сложная система, которая контролирует и регулирует жизнь людей в рамках своей территории. УНР ничего не контролировала, тем более в рамках своей воображаемой территории. Реально под властью Центральной Рады находились лишь несколько административных зданий в центре Киева и казармы «сечевых стрельцов» (Дьяченко 2012).

Центральная Рада так и не смогла справиться с вопросами государственного строительства, формирования властной вертикали (Реент 2016: 268). Украинская элита складывалась из людей, не имевших опыта государственного строительства, – писателей, журналистов, ученых, студентов (Верстюк, Осташко 1998: 6). Не последнюю роль сыграли противоречия и борьба амбиций среди руководства УНР и тотальный брак компетентности (Капелюшний 2003: 6).

Внешне крестьянство поддерживало идею украинской государственности, но, когда дело доходило до защиты государственных интересов, проявляло индифферентность, предпочитая оставаться в рамках «малой родины» (Курас 2003: 312). Следует иметь в виду, что для подавляющего числа крестьян понятия «демократия», «нация» абсолютно ничего не значили. Даже образованные слои населения все это воспринимали в большей степени эмоционально.

В то же время большевики реально занимались государственным строительством и смогли наиболее эффективно мобилизовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы. Даже красный террор носил организованный характер и руководился сверху (Грицак 2004: 73–74). Кстати, ни одна из великих революций не обходилась без террора. К концу Гражданской войны большевики смогли создать дисциплинированную армию, в отличие от белой армии, не говоря уже о петлюровцах.

Более эффективно действовал гетманский режим, который сделал многое для установления порядка (Он же 1996: 128–129). Режим базировался не на знании украинского языка, а на лояльности к украинской державе. При гетманате функционировали гимназии, университеты, Академия наук. Значительные средства выделялись на развитие украинской культуры (Верига 2005: 360).

За период гетманской власти не было ни одного еврейского погрома (Он же 1998: 62), в отличие от Директории, при которой еврейские погромы достигли размаха, сравнимого с Хмельнитчиной и Гайдаматчиной. Некоторые украинские историки ссылаются на официальные документы Директории, якобы осуждающие погромы (Сергийчук 1998: 34–36). Но одно дело «бумажки», а другое – свидетельства очевидцев. Житомирский погром происходил на глазах у Симона Петлюры. Непосредственные руководители погромов чувствовали себя национальными героями. Даже Владимир Винниченко заявил, что еврейские погромы не могут быть приостановле-

ны до тех пор, пока еврейская молодежь поддерживает большевиков (Островский 1926).

Петлюровский атаман Самосенко заставил солдат поклясться на полковом знамени, что они выполняют свой «священный долг» и перебьют еврейское население Проскурова. За три часа было убито от 3000 до 4000 человек. Аналогично поступил в Тетиеве петлюровский атаман Куровский, который поклялся не пощадить ни одного еврея. Погибло более 3500 человек. Во время погромов стариков резали на куски, детей бросали головой о стены или мостовую. У жертв отрезали половые органы, носы, выкалывали глаза. Жен и дочерей насиловали на глазах мужчин, детей заставляли вешать своих отцов (Полетика 1982). «Украинская революция» в рамках Директории превратилась в петлюровщину.

Современная Украина

Прошло много лет. Украина получила неожиданно свалившуюся на ее голову «незалежність». Но за этот период мало что изменилось в менталитете украинской элиты. Еще во времена УНР национал-патриоты бытовыми проблемами киевлян не интересовались. «Свідомі українці» занимались исключительно украинизацией вывесок лавок и кабаков да маршировали вокруг памятника Богдану Хмельницкому с транспарантами «Хай живе вільна Україна» (Дьяченко 2012). После возвращения руководства УНР в Киев в декабре 1918 г. начался очередной перевод вывесок на украинский язык. Весь город в эти «веселые» дни представлял собой гигантскую малярную мастерскую (Алексеев 1930: 48–49). Ну очень все это напоминает современную Украину.

По нашему мнению, точкой невозврата, после которой начался необратимый процесс деградации украинского общества, стали выборы в Верховный Совет в 1990 г. Хотя оппозиция в лице Народного Руха получила в три раза меньше мандатов, чем коммунисты, именно тогда к власти пришла та часть украинской элиты, которую можно условно назвать «хохлами». «Хохлов» следует рассматривать как прямых последователей традиционно-исторической украинской элиты с ее архаической основой общественного сознания. Можем со всей ответственностью сказать, что, если бы на месте «хохлов» оказались «москали», Украина сейчас была бы современным процветающим государством. Дело в том, что «хохлы» после выборов проявили большую активность и смогли оказать заметное идеологическое влияние на основную часть депутатов.

На Западной Украине местные «хохлы» по существу взяли власть в свои руки еще в период перестройки в конце 1980-х гг. После амнистии 1955 г. реабилитированные бандеровцы смогли уже в 1970-е гг. в некоторых местах возглавить райкомы и даже областные исполнительные комитеты. Среди работников райкомов в ряде районов реабилитированные националисты составляли до 50 % (Что стало... 2017).

В связи с этим очень характерный пример. Однокурсница автора статьи в 1980-е гг. жила и работала во Львове. Во время вышеуказанных выборов (то есть еще при советской власти) на избирательном участке к ней подошел мужчина и объяснил, что знает, кто она такая, где живет и где работает. Знает, что у нее двое детей. После этого в «вежливой» форме попросил проголосовать так, как он скажет.

В период Руины новоиспеченная элита стремилась войти во власть, чтобы завладеть отнятым у поляков имуществом. После обретения Украиной независимости начался аналогичный процесс. Подавляющая часть советской номенклатурной элиты тут же «перекрасилась» и занялась элементарным грабежом доставшегося в наследство от Советского Союза достояния.

В настоящее время мы имеем третью Руину, так же как и во время Гражданской войны – вторую. Во всех трех случаях появлялось государство-Руина как политическая система, не имеющая никакого потенциала дальнейшего развития. За годы независимости доля Украины в мировом промышленном производстве уменьшилась более чем в 50 раз (Ставицкий б. г.). За этот период не построено ни одного крупного предприятия, выпускающего современную конкурентоспособную продукцию.

Для 1990-х гг. был характерен процесс появления рецидивов ряда архаических институтов, в частности редистрибуции (распределения). После развала Советского Союза начался процесс узурпации новоявленной элитой основной части национального богатства. Подобного рода масштаб присвоения, если взять историю, был возможен только в случае завоевания. В 1990-е гг. политическая власть держалась за счет редистрибуции олигархами не только прибавочного, но и основного продукта, что поставило значительную часть населения на грань выживания (Кондорский 2018: 276).

На Украине политическая власть широко использовала редистрибуцию и в последующий период. Однако в последние годы ре-

курс, доставшийся в наследство от Советского Союза, оказался в основном исчерпанным, что вынуждает руководство страны использовать для этих целей западные кредиты.

В 1990-е гг. в постсоветских государствах элита в той или иной степени носила хорошо выраженный клановый характер, что сопровождалось ее расколом (Куценко 2005: 71). В нормальных государствах различные фракции элиты должны дополнять друг друга и, главное, ставить национальные интересы государства на первое место. На Украине финансово-промышленные группы имели ту или иную территориальную прописку (Прокофьев 2011: 69) и в борьбе между собой (всеми доступными средствами) меньше всего думали о народе.

В свое время известным специалистом по истории Древнего Китая Л. С. Васильевым была выдвинута концепция «власти-собственности» в период Древности как синкретического единства обоих институтов (Васильев 1982). В Древней Греции при переходе от так называемого гомеровского периода к архаике власть-собственность была узурпирована аристократическими кланами, обычным состоянием для которых стал стасис – междоусобная борьба за политическую власть (Лаптева 2009: 306–309).

И только появление авторитарной власти в лице тиранов позволило установить порядок. Тираны боролись с всевластием аристократических родов, поддерживаемые большей частью населения (Зберовский 2008: 36). Правление тиранов способствовало заметному увеличению благосостояния граждан полиса (Макаров 1997: 26). Именно полисы позднеархаической эпохи под властью тиранов достигли могущества и процветания. Только после этого у них сложилась демократия. А большинство тех полисов, которые не знали этого опыта, застыли в стагнирующем положении (Суриков 2007: 80).

Данный исторический процесс может служить своеобразной моделью для понимания эволюции политических режимов в постсоветский период. В России конец всевластия олигархических кланов, присвоивших «советскую власть-собственность», положил приход к власти В. В. Путина, который сформировал режим авторитарной власти неформального характера, жизненно необходимый для государства в переходный период. Подобное явление характерно и для ряда других стран – Китая, Турции, Ирана. Кстати, реальная власть тиранов также не имела никаких «конституционных»

оснований и зиждилась на сформированной ими же харизме (Берве 1997: 17).

Просматривается поразительное сходство с Украиной, где так и не сложился авторитарный тип власти. Все президенты в той или иной степени зависели от олигархических кланов. Следует обратить внимание на искусственный характер харизмы Виктора Ющенко и Петра Порошенко в предвыборную кампанию, которая быстро «сдувалась» в последующий период. Вследствие этого Украина уже больше четверти века находится в состоянии перманентного кризиса.

Здесь уместно остановиться на концепции двойственности социального сознания. В сознании человека можно выделить две основных составляющих – этническую и личностную (Кондорский 2019б: 119–120). Этническое сознание формируется еще в детстве (приблизительно до 10 лет). В отличие от личностного сознания, которое может меняться в течение жизни, подвергаться критическому осмыслению, этническое сознание носит данный характер. Его нельзя изменить волевым способом. Можно только говорить о степени его активизации. Характерной особенностью этнического сознания является то, что социальная действительность категоризируется с помощью базовой пары «мы – они» (Ачкасов 1999: 49).

Этническое сознание можно отнести к архетипическим образованиям, связанным с феноменами, которые архаичны по своей природе и имеют иррациональную основу (Михайлова 2002: 16). Этническое сознание приводит к деиндивидуализации в форме национализма, где коллективная граница «свои – чужие» является определяющей (системообразующей). Это тип общности основан на эмоциях, чувствах и обладает мощной энергетикой (Прокофьев 2011: 29). При попытках использовать эту энергетику в политической сфере она часто выходит из-под контроля. Это как пожар в лесу – его легко поджечь, но трудно потушить (Липкин 2008).

На Украине уже более 30 лет мы наблюдаем резкую активизацию этнического сознания. Как результат – рецидивы радикального национализма, обусловленные подсознательной тоской по патриархальной культуре и ее «племенным» ценностям (Даренский 2016: 48). Традиционное этническое сознание обычно сохраняется и воспроизводится в сельской местности. Здесь надо иметь в виду, что в 60–80-е гг. XX в. на Украине наблюдался массовый приток населе-

ния в Киев и другие крупные города (за исключением Донбасса) из сельской местности (Кондорский 2014: 130).

Более 80 % политической и культурной элиты страны (включая четырех президентов) – выходцы из сельской местности. При этом, сколько бы университетов не заканчивали подобного рода деятели, в плане своего базового сознания они остаются «хлопцями з глухого сзла». Виктор Ющенко все пять лет своего президентского срока с упорством, достойным лучшего применения, пытался сделать из Украины «Большой хутор».

На Украине сейчас элитой предпринимается попытка формирования нации не на основе личностного, а на основе этнического сознания. Если принадлежность к нации базируется на интересе, то принадлежность к этносу связана с характером (стереотипом) поведения, образом жизни, культурой, языком. Характер восприятия времени у нации и этноса также носит различный характер. Для нации историческое время – это последовательная цепь логически связанных событий на основе объективных законов истории. У этноса нет исторического времени в классическом понимании. Этнос живет настоящим и находится вне исторического пространства. Прошлое мифологизируется.

Принципиально отличаются национальный и этнический подход к своему историческому прошлому. В первом случае речь идет о тех, кто внес решающий вклад в формирование и защиту национального государства. На Украине вследствие комплекса неполноценности вовсю идет «украинизация» всемирной истории и ее субъектов (Шнирельман 2000).

В древности этническое и личностное сознания находились в органическом единстве и составляли основу мифологического восприятия мира. В наше время активизация этнического сознания привела к появлению аналога мифологического сознания – иллюзорного (от лат. *illudere* – играть, обманывать). Подобного рода ситуация особенно характерна для Украины (Кондорский 2018: 278). По существу, уже четверть века мы имеем «игру» управляющей элиты в рамках политической и экономической систем. И экономика, и политика функционируют не по объективным законам соответствующих систем, а по законам «игры».

«Дети играют, потому что у них есть свободное время» (Хейзинга 1997: 27). Эта фраза дает очень многое для понимания ситуации на Украине и состояния ее элиты. В частности, это касается

заметных элементов «детскости» в ее поведении, связанных с явным доминированием этнического сознания.

Основной особенностью игры как социального явления является ее замкнутый характер – игра ради игры без какого-либо материального результата. Целеполагание игрового действия заключается в самом процессе игры (Зберовский 2009: 143). Имеет место демократия ради демократии, свобода ради свободы, рынок ради рынка. Выборы проводятся по законам игры и не имеют ничего общего с реальной демократией. Кстати, то же самое относится и к обоим Майданам (Кондорский 2018: 279).

Выводы

Проблема развития украинской элиты рассмотрена исходя из основных положений революционной концепции исторического процесса. На каждом его этапе именно элита отвечала за формирование и поддержание социального пространства.

Хотя формирование и развитие украинского народа и его элиты, по нашему мнению, имели опосредованное отношение к Древней Руси, высокий уровень политизации данной проблемы в современном украинском обществе заставляет обратить особое внимание на специфику данной общности.

Древнюю Русь, по нашему мнению, нельзя назвать государством в собственном смысле слова. Здесь больше подходит концепция ойкумены как социально-географической системы, имеющей свои внутренние законы. Именно эти законы определяли особенности формирования и развития Руси, характер поведения и деятельности тогдашней элиты.

Сущность и восприятие основных политических категорий (в широком смысле этого слова) более чем заметно отличались от таковых в Новое время. В частности, власть имела «телесный», антропоморфный характер.

В X в. на смену традиционной, племенной приходит ойкумена нового типа, в основе которой лежат торговые пути и торговая деятельность, в первую очередь товарами престижного характера. Обладание подобного рода вещами и обеспечение их «движения» в рамках торговой ойкумены и являлось основой власти князя и его дружины. Точнее, власти клана Рюриковичей в рамках родового сюзеренитета.

В XII в. усиливается роль городской общины и ее элитарной верхушки в лице городских бояр. Князь и его власть все больше

зависят от ее отношения к нему. Обычными становятся конфликты между обеими сторонами, которые усиливаются раздорами между самими князьями. Происходит сегментация Руси и деградация системы ее управления.

Мы считаем, что феодализма как системы в Древней Руси не было. Была феодализация – появление внешних признаков, характерных для этого вида формации. Феодальная революция имела место уже в рамках Московского государства во второй половине XIII – первой половине XIV в. В Малой и Белой Руси, которые в XIV в. перешли под контроль Литвы, это процесс затянулся вплоть до XVI в. и сформировал низкий потенциал последующего исторического развития.

В результате сформировался весьма специфический архетип украинской элиты. В данном случае под архетипом мы понимаем совокупность взаимосвязанных явлений и особенностей, которые затем воспроизводились на всех этапах исторического развития.

Наблюдается интересная закономерность. Когда появлялись условия для самостоятельности украинской элиты, тут же проявлялись не самые положительные ее качества.

Украинская элита, как только возникало подобие государственности, тут же переходила в состояние «раскола» начиная еще со времен Галицкого княжества. После смерти Богдана Хмельницкого наступил период Руины – гражданской войны, сопровождавшейся регулярной борьбой всеми доступными средствами между претендентами на гетманскую власть. В то же время в XVIII–XIX вв. украинская элита верой и правдой служила российскому императору, так же как в XX в. – советской власти.

Во время освободительной борьбы XVII в. гетманская старшина пыталась перейти под протекторат своих соседей – России, Польши, Турции и даже Швеции. Уже тогда имел место своеобразный «аукцион» по распродаже украинских территорий. Редкий гетман не изменял своему «сюзерену» (причем часто это делалось многократно). Подобного рода продажность элиты проявила себя в полной мере и во время Гражданской войны, не говоря уже о современной Украине.

Украинская элита всегда отличалась «мелкотравчатостью». После смерти Богдана Хмельницкого так не появилось никого даже близко похожего на него. Пребывание в иллюзорном пространстве, отсутствие политического сознания, мышления – более чем обычное явление. Украинские историки отмечают отсутствие у элиты

опыта государственного строительства и в период Хмельнитчины (не говоря о Руине), и в период УНР и Директории. Абсолютно то же самое мы наблюдаем на современной Украине. Особенно это характерно для периодов президентства В. Ющенко, П. Порошенко, В. Зеленского.

Следствием «мелкотравчатости» является быстрая утрата авторитета. Большинство гетманов в период Руины вначале имели весьма высокий уровень доверия и поддержки среди казаков, который в скором времени теряли вследствие проведения ими бездарной политики. Центральная Рада уже к декабрю 1917 г. полностью утратила свой авторитет. Наконец, рейтинги Ющенко и Порошенко за период их президентства падали почти на порядок.

Еще со времен Богдана Хмельницкого элита отличалась русофобией, которая на рубеже XIX–XX вв. в лице некоторых деятелей новоявленной украинской интеллигенции приняла уже патологические формы, которые никуда не делись и на современной Украине. Подавляющее большинство украинских СМИ и историков в настоящее время регулярно выискивают в общей истории компроматы на Россию (Толочко 2008: 6).

Наконец, следует обратить внимание на комплекс неполноценности, который органически присущ украинской элите на всем пути ее исторического развития. Внешне это проявилось в том, что после развала Советского Союза новоявленный истеблишмент попытался занять «героическую историю».

Большую часть периода независимости Украина находится в состоянии политического, экономического и культурного кризиса. Когда приходится сталкиваться с современной украинской элитой, то сразу на ум приходят бессмертные произведения Ильфа и Петрова. Если «верхи» уже более 30 лет живут ожиданием: «Запад нам поможет», то «низы» вынуждены довольствоваться лозунгом: «Помощь утопающим – дело рук самих утопающих». Украинская элита в основном состоит из различного рода лоханкиных, которые только тем и занимаются, что размышляют о значении интеллигенции и ее роли в «украинской революции». Все основные элементы вышеуказанного архетипа в настоящее время продолжают проявляться, и, к сожалению, с каждым годом все заметнее.

Политическая и экономическая системы имеют объективные законы, независимые от сознания. Для того чтобы иметь успех, и политик, и капиталист должны интуитивно чувствовать эти законы и следовать им в своей деятельности. Отсутствие этого чувства обыч-

но приводит к печальным последствиям. В российской истории достаточно вспомнить А. Ф. Керенского и М. С. Горбачева. Украинская элита всегда отличалась отсутствием этого качества. Если на голову падает «физический» кирпич, понятно и ребенку, что надо просто отойти в сторону. Но когда на голову падает «социально-политический» кирпич, подавляющая часть современной украинской элиты думает, что в последний момент он может отвернуть в сторону или сам, или с помощью западных кураторов. А так как «шишки» обычно достаются украинскому народу, данный процесс будет продолжаться еще очень долго.

В заключение имеет смысл привести характеристику Ивана Мазепы (которого считает своим идеалом большая часть украинской элиты), данную известным историком XIX в. Н. И. Костомаровым: «Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Самое верное определение этой личности будет сказать, что это воплощенная ложь. Он лгал всем, всех обманывал – и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был сделать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опасности» (Костомаров 1992: 320). Более точного определения современного (и не только) украинского истеблишмента трудно найти.

Литература

Алексеев, А. (сост.). 1930. *Революция на Украине по мемуарам белых.* М.; Л.: Госиздат.

Алексеев, С. В.

2015а. *Великое расселение славян. 672–679.* М.: Вече.

2015б. *Праславяне. Опыт историко-культурной реконструкции.* М.: Академический проект.

Алешковский, М. Х. 1974. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV веков. *Советская археология* 3: 100–111.

Андреев, Ю. Н. 2004. *Мужские союзы в дорийских городах-государствах.* СПб.: Алетейя.

Ачкасов, В. А. 1999. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора. *Журнал социологии и социальной антропологии* 1: 45–56.

Берве, Г. 1997. *Тираны Греции.* Ростов: Феникс.

Блок, М. 1957. *Характерные черты французской аграрной истории.* М.: Ин. лит-ра.

Бойко, О. Д. 2010. *Історія України.* Київ: Академвидав.

Буцинский, П. Н. 1882. *О Богдане Хмельницком.* Харьков: Тип. М. Зильберберга.

Васильев, Л. С. 1982. Феномен власти-собственности. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века.* М.: Наука. С. 60–99.

Верига, В.

1998. *Визвольні змагання в Україні 1914–1923 рр.* Т. 2. Жовква: Місіонер.

2005. *Визвольна боротьба в Україні 1914–1923 рр.* Т. 1. Рівне: Рівенська друкарня.

Верстюк, В., Осташко, Т. 1998. *Діячі Української Центральної Ради: Біографічний довідник.* Київ: ПУ НАНУ.

Голобуцкий, В. 1962. *Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг.* К.: Госполитиздат УССР.

Горелов, М., Моця, О., Рафальський, О. 2017. *Цивілізаційний крах Переяславського проекту.* Київ: ІПіЕНД.

Горобець, В. 2013. «Чорна рада» 1663 року. *Передумови, результати, наслідки.* Київ: ПУ НАНУ.

Горский, А. А.

1989. *Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси).* М.: Прометей.

2004. *Русь: От славянского расселения до Московского царства.* М.: Языки славянской культуры.

Гринин, Л. Е.

2006. *Производительные силы и исторический процесс.* 3-е изд. М.: URSS.

2014. Украинское государство как незавершенный политический проект: фрагментарное прошлое, кризисное настоящее, неясное будущее. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 5–37.

2015. Исторические и геополитические причины социально-политического кризиса на Украине. *История и современность* 2: 3–44.

2016. *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* М.: URSS.

2020. *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* М.: URSS.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л. 2015. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (История технологий и описание их будущего).* Волгоград: Учитель.

Грицак, Я.

1996. *Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття*. Київ: Генеза.

2004. *Страсті за націоналізмом. Чому зазнала поразки українська революція*. Київ: Критика.

Грушевський, М. 1991. *Хто такі українці і чого вони хочуть*. Київ: Т-во «Знання» України.

Губарев, О. Л. 2024. Слепота невнимання неоантиноманізму. *Історія і сучасність* 4: 79–94. DOI: 10.30884/iis/2024.04.05.

Гумилев, Л. Н. 1994. *Поиски вымышленного царства*. М.: ДИ-ДИК.

Гурбик, А. О.

1997. *Аграрна реформа в Україні XVI ст.* Київ: ПУ НАНУ.

1998. *Еволюція соціально-територіальних спільнот в середньовічній Україні*. Київ: ПУ НАНУ.

Гуржій, О. І. 1994. *Еволюція соціальної структури селянства Лівобережної та Слобідської України (друга половина XVII–XVIII ст.)*. Київ: ПУ НАНУ.

Данилевський, И. Н. 1998. *Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.)*. М.: Аспект Пресс.

Даренский, В. Ю. 2016. Причины феномена массового национализма на современной Украине. *Свободная Мысль* 5: 39–52.

Дворниченко, А. Ю.

1995. К проблеме восточнославянского политогенеза. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра. С. 294–318.

2014. *Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства*. СПб.: Евразия.

2018. *Прощание с Революцией*. М.: Весь Мир.

Дядиченко, В. А. 1959. *Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII–XVIII ст.* Київ: Вид-во АН УРСР.

Дьяченко, В. И. 2012. Бой под Крутами. Как это было на самом деле. URL: <http://slavanthro.mybb3.ru/wievtopic.php?t=9632>.

Ефименко, А. Я. 2011. *История Украины и ее народа*. М.: ЛИБРОКОМ.

Зауляк, Ю. 1998. Взаємовідносини старост і шляхти Русі пізнього середньовіччя. В: Зашкільняк, Л., Крикун, М. (ред.), *Центральна і Східна Європа в XV–XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії*. Львів: ЛДУ. С. 75–86.

Зборовский, А. В.

2008. *Становление демократической политической культуры в Элладе VIII–V веков до н. э.* Красноярск: Изд-во КраснГАУ.

2009. *Культура как фактор обусловленности и способ бытия демократических традиций в полисах Древней Греции VIII–V веков до н. э.* Красноярск: Изд-во КраснГАУ.

Зеленина, Г. 2008. Г-сподь да отомстит за их кровь. *Лехаим* сентябрь. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/197/zelenina.htm>.

Калюта, А. В. 2000. Воины-орлы и воины-ягуары: к вопросу о мужском союзе у ацтеков. В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика.* СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) РАН. С. 123–142.

Капелюшний, В. П. 2003. *Здобута і втрачена незалежність: історіографічний нарис української державності доби національно-визвольних змагань (1917–1921 рр.).* Київ: Олан.

Когут, З. 1996. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетманщини 1760–1830.* Київ: Основи.

Компан, О. 1954. *Вплив визвольної війни українського народу на розвиток антифеодального руху в Польщі.* Київ: Вид-во політичної літератури.

Кондорский, Б. М.

2013. Архаическая революция в Древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа). *Общество и государство в Китае.* Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН. С. 16–28.

2014. Попытка анализа причин кризиса в Украине на основе концепции этнического сознания и революционного периода. *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. 26 Адлерские чтения.* Краснодар: Традиция. С. 129–133.

2017а. Историческое развитие китайской ойкумены в древности. *Общество и государство в Китае.* Т. XLVII. Ч. 1. М.: ИВ РАН. С. 20–35.

2017б. Характер формирования и развития княжеской власти в Древней Руси. В: Козлов, В. П. (общ. ред.), *Творческое наследие А. А. Зимины и современная российская историография. VI Зиминские чтения.* М.: Древлехранилище. С. 143–157.

2018. Традиционно-исторические предпосылки «цветных революций». В: Уваров, П. Б. (гл. ред.), *Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы XIV конференции.* Челябинск: Изд-во ЮУГГПУ. С. 273–281.

2019а. Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути». *Проблемы Дальнего Востока* 2: 21–28.

2019б. Рецидивы архаических социальных институтов в рамках политических режимов постсоветских государств. *История и современность* 3: 112–131.

2020. Революционная концепция процесса исторического развития. В: Ильин, И. В. (ред.), *VI Международный научный конгресс «Глобалистика-2020. Глобальные проблемы и будущее человечества»*. М.: МГУ ФГП. С. 566–571.

2021а. К вопросу о государственности Украины. *История и современность* 1: 54–81.

2021б. Проблема руссов и концепция ойкумены в Древней Руси. *История, общество, политика* 1: 35–45.

2024. Концепция революционного периода (исторические предпосылки на примере Франции). *Исторический формат* 1: 80–92.

Костомаров, Н. И.

1992. *Мазепа*. М.: Республика.

1994. *Материалы и исследования. Богдан Хмельницкий*. М.: Чарли.

2005. *Гетман Иван Степанович Мазепа*. Киев: Радуга.

Котляр, М. Ф. 1998. *Галицько-Волинська Русь*. Київ: Альтернатива.

Котляр, Н. Ф.

2013. *Удельная раздробленность Руси*. Киев: ИИУ НАНУ.

2016. З історії міського самоврядування на Русі. *Український історичний журнал* 1: 4–20.

Кривошеев, Ю. В. 1999. *Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.* СПб.: Изд-во СПбГУ.

Курас, І. Ф. (ред.). 2003. *Політична історія України ХХ століття. Т. 2. Революції в Україні: політико-державні моделі та реалії (1917–1920)*. Київ: Генеза.

Куценко, О. 2005. Зигзаги демократизации политического режима в Украине. *Социология: теория, методы, маркетинг* 3: 65–79.

Лаптева, М. Ю. 2009. *У истоков древнегреческой цивилизации. Иония X–VI вв. до н. э.* СПб.: Гуманитарная Академия.

Ларионов, В. Е. 2015. *Александр Невский и Даниил Галицкий. Рождение Третьего Рима*. М.: Вече.

Левченко, М. В. 1938. Византия и славяне в VI–VII. *Вестник древней истории* 4(5): 23–48.

Липкин, А. И. 2008. Россия и Европа. Проблема цивилизационной и национальной идентичности. В: Громько, А. А. (отв. ред.), *Россия и Европа: вопросы идентичности*. М.: ИЕ РАН. С. 103–113.

Ловмянский, Х. 1985. *Русь и норманны*. М.: Прогресс.

Мавродин, В. В. 2008. *Образование Древнерусского государства*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Майоров, А. В. 2001. *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община*. СПб.: Университетская книга.

Макаров, И. А. 1997. Идеологические аспекты ранней греческой тирании. *Вестник древней истории* 2: 25–42.

Миллов, А. Н. 2014. *Первослово, или Третья Русь*. СПб.: Дмитрий Буланин.

Михайлова, Л. Я. 2002. *Этническое сознание: социальное содержание и закономерности исторической эволюции*: автореф. ... канд. филос. наук. Ульяновск.

Михайлюк, О. В.

2000. «Українська революція» чи «російська революція на Україні». *Грані* 5: 70–76.

2009. Концепція «української революції»: pro et contra. *Гуманітарний журнал* 3–4: 3–19.

Михутина, И. В. 2003. *Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века)*. М.: ИС РАН.

Можейко, И. В. 1989. *1185 год. Восток – Запад*. М.: Наука.

Назаренко, А. В. 2007. *Древняя Русь и славяне*. М.: РФСОН.

Нечай, Ф. М. 1972. *Образование Римского государства*. Минск: Изд-во БГУ.

Никитин, Н. И. 1987. О формационной природе ранних казачьих сообществ. В: Янин, В. Л. (отв. ред.), *Феодализм в России*. М.: Наука. С. 236–245.

Новожилова, Е. М. 2000. Традиционные тайные общества Юго-Восточной Нигерии (потестарные аспекты функционирования). В: Попов, В. А. (ред.), *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика*. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (кунсткамера) РАН. С. 109–122.

Обушний, М. І. 2010. *Походження, становлення та розвиток українського народу*. Київ: ВПЦ «Київський університет».

Оглоблін, О. 2001. *Гетьман Іван Мазепа та його доба*. Київ: ПУ НАНУ.

Оловинцов, А. 2018. *Статус Руси в XIII–XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние?* М.: Алгоритм.

Островский, З. С. 1926. *Еврейские погромы 1918–1921 гг.* М.: Школа и книга.

Петкевич, К.

2006а. Казачье государство. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград: Учитель. С. 280–303.

2006б. Великое княжество Литовское. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград: Учитель. С. 304–336.

Петрухин, В. Я. 2000. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия. *Из истории русской культуры.* Т. 1. М.: Языки русской культуры.

Полетика, Н. 1982. *Воспоминания.* Тель-Авив: Библиотека Алия.

Поляков, А. Н. 2006. Древнерусская цивилизация: основные черты социального слоя. *Вопросы истории* 6: 67–86.

Пресняков, А. Е. 1993. *Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь.* М.: Наука.

Прокофьев, А. В. 2011. «Цветные революции» на постсоветском пространстве в начале XXI в. На примере Грузии, Киргизии, Украины. Казань: КазГУ. 190 с.

Реєнт, О. П.

2009. *Україна XIX–XX століття. Роздуми та студії історика.* Корсунь Шевченківський: ФОП Майдаченко І.

2016. *Українські визвольні змагання 1917–1921 років.* Київ: Арій.

Рог, В. (упор.). 2012. *Український націоналізм. Антологія.* Київ: УВС.

Романчук, А. А. 2024. Ответ О. Л. Губареву и некоторые другие вопросы варяго-русской дискуссии. *История и современность* 4: 95–133. DOI: 10.30884/iis/2024.04.06.

Свердлов, М. Б.

1983. *Генезис и структура феодального общества в Древней Руси.* Л.: Наука.

1997. *Становление феодализма в славянских странах.* СПб.: Дмитрий Буланин.

Седов, В. В.

1999а. *Древнерусская народность: Историко-археологические исследования.* М.: Языки русской культуры.

1999б. *У истоков восточнославянской государственности.* М.: УРСС.

Сергійчук, В. 1998. *Погроми в Україні: 1914–1920*. Київ: Вид-во ім. О. Теліги.

Слабєєв, І. С. 1964. *З історії первісного нагромадження капіталу на Україні*. Київ: Наукова думка.

Смолій, В. А.

1991. Українська козацька держава. *Український історичний журнал* 4: 5–19.

2014 (відп. ред.). *Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура*. Київ: ПУ НАНУ.

2018 (відп. ред.). *Український гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст.* Кн. 1. Київ: ПУ НАНУ.

Смолій, В. А., Степанков, В. С.

1997. *Українська державна ідея XVII–XVIII століття: Проблеми формування, еволюції, реалізації*. Київ: Альтернативи.

1999. *Україна скрізь віки. Т. 7. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.)*. Київ: Альтернативи.

2009. *Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.)*. Київ: ВД «Києво-Могилянська академія».

2014. *Інститут влади в політичній системі України (середина – друга половина XVII ст.)*. Київ: Наукова думка.

Солдатенко, В. Ф. 1999. *Українська революція. Історичний нарис*. Київ: Либідь.

Солдатенко, В. Ф., Сиволюб, Ю. В. 1994. Передумови і зародження української національної ідеї. *Український історичний журнал* 2–3: 14–28.

Ставицкий, А. В. Б.г. Конец украинской истории уже близко. URL: <https://politnavigator.net//konec-ukrainskojj-istorii-uzhe-blizko>.

Степанков, В. С.

1991. Богдан Хмельницький и проблема державності України. *Український історичний журнал* 11: 127–139.

1997. Українська революція 1648–1676 рр. в контексті європейського революційного руху XVI–XVII ст.: спроба порівняльного аналізу. *Український історичний журнал* 1: 3–21.

2003. Переяславська присяга 1654 р.: зміст і наслідки. *Український історичний журнал* 6: 28–39.

Суриков, И. Е. 2007. *Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и историографии*. М.: КДУ.

Терещенко, Ю. І. 1996. *Україна і європейській світ: нарис історії від утворення старокіївської держави до кінця XVI ст.* Київ: Перун.

Толочко, А. П. 1992. *Князь в Древней Руси: власть, собственность и идеология.* Киев: Наукова думка.

Толочко, П. П.

2008. *Украина: государство или страна?* Киев: Довира.

2010. *Древнерусская народность. Воображаемая или реальная.* Киев: АДЕФ – Украина.

Ульянов, Н. И. 1996. *Происхождение украинского сепаратизма.* М.: Индрик.

Утченко, С. Л. 1977. *Политические учения древнего мира.* М.: Наука.

Фігурний, Ю. С. 2010. *Особливості і закономірності зародження, формування українського етносу від найдавніших часів до середині XIV ст. на теренах України.* Київ: ННДІУ.

Фроянов, И. Я.

1974. *Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории.* Л.: Изд-во ЛГУ.

1995. *Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы.* М.; СПб.: Златоуст.

Хейзинга, Й. 1997. *Ното ludens: статьи по истории культуры.* М.: Прогресс-Традиция.

Циганенко, Л. Ф. 2009. До питання про етнічний склад дворянства Півдня України (кінець XVIII–XIX ст.). *Український історичний журнал* 4: 67–83.

Что стало с бандеровцами после хрущевской амнистии? 2017. *Русская семерка* 8 января. URL: [https://russian7/ru/post/chto-stalo-s-bander ovca mi-posle-khrushhev/](https://russian7/ru/post/chto-stalo-s-bander-ovca-mi-posle-khrushhev/).

Чухліб, Т. В.

2003. Переяславська угода 1654 р. *Український історичний журнал* 3: 43–63.

2005. *Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр.* Київ: Арістей.

Шевченко, Ф. П. 1959. *Політичні економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст.* Київ: Вид-во АН УРСР.

Шнирельман, В. 2000. Ценность прошлого: Этноцентрические мифы, идентичность и этнополитика. В: Олкотт, М. Б., Малашенко, А. (ред.), *Реальность этнических мифов.* М.: Гендальф. С. 12–33.

Щербак, В. О. 1991. Козацтво в класово-становій структурі українського суспільства (друга половина XV – середина XVII ст.). *Український історичний журнал* 11: 43–52.

Яворницький, Д. І. 1990. *Історія запорозьких козаків*. Т. 2. Київ: Наукова думка.

Яковенко, Н. 2009. *Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України*. Київ: Критика.

Яковенко, Н. М. 1993. *Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна)*. Київ: Наукова думка.

Яковлева, Т. 1998. *Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття: причини і початок Руїни*. Київ: Основа.

Grinin, L., Grinin, A., Korotayev, A. 2024. *Cybernetic Revolution and Global Aging. Humankind on the Way to Cybernetic Society, or the Next Hundred Years*. Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-031-56764-3.